

**Радикально-демократический лагерь польской эмиграции
накануне Январского восстания 1863–1864 гг.
(по донесениям российского заграничного агента
Ю. Балашевича-Потоцкого)**

Бабоша Иван Александрович
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация
E-mail: ivanbabosha@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2502-3906

Цитирование

Бабоша И. А. Радикально-демократический лагерь польской эмиграции накануне Январского восстания 1863–1864 гг. (по донесениям российского заграничного агента Ю. Балашевича-Потоцкого // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 49–67. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.02

Статья поступила в редакцию 04.11.2025.

Рецензирование завершено 06.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматривается деятельность российской заграничной агентуры в среде радикально-демократического лагеря польской эмиграции, который тесно сотрудничал с повстанческой фракцией «красных», готовившей вооруженное восстание на территориях бывшей Речи Посполитой в составе Российской империи. Особенное внимание уделено уточнению некоторых аспектов агентурных операций Юлиана Балашевича-Потоцкого, одного из ведущих сотрудников российского политического сыска 1860–1870-х гг., который стремился посеять рознь между различными группировками польских радикалов и их российскими союзниками. Выдвигается предположение, что известный конфликт одного из лидеров радикально-демократического лагеря польской эмиграции Л. Мерославского и российского революционера М. А. Бакунина мог являться не только следствием единичной агентурной провокации или несовпадения

политических взглядов двух деятелей, но и результатом целого комплекса долговременных психологических операций Балашевича-Потоцкого. Уточняется, что арест французской полицией закупавших оружие для будущего восстания эмиссаров фракции «красных» в декабре 1862 г. мог представлять собой совместную операцию Балашевича-Потоцкого и агентуры российского посольства в Париже. Делается вывод, что в рассматриваемый период российская политическая полиция была неплохо осведомлена о соотношении сил внутри радикально-демократического лагеря польской эмиграции и на основе полученных данных сумела отчасти усложнить кооперацию между противниками самодержавия накануне Январского восстания.

Ключевые слова

Польская эмиграция, польское восстание 1863–1864, Третье отделение, политическая полиция, Ю. Балашевич-Потоцкий, Л. Мерославский, М. А. Бакунин.

Активность польской эмиграции 1830–1870-х гг. как важной составляющей боровшегося с Российской империей польского национального движения широко освещена в историографии. Особенное внимание получил период начала 1860-х гг., когда польские повстанцы из лагеря «красных» при поддержке радикально-демократического лагеря эмиграции готовили почву для будущего Январского восстания 1863–1864 гг.¹ Стремление к скорейшему началу повстанческого выступления отличало их от другой фракции – «белых», которые, как и союзный им консервативный лагерь эмиграции, полагали, что общество еще не готово к вооруженному восстанию. В связи с этим именно «красные» и их радикально-демократические союзники по эмиграции представляли первостепенную угрозу безопасности польским владениям монархии Романовых, и именно поэтому российский политический сыск держал их на особом счету.

Одним из важнейших заграничных агентов российской тайной полиции в тот период являлся Юлиан Балашевич, который с 1861 по 1875 г. работал в среде польской эмиграции под псевдонимом графа Альберта Потоцкого. Историография уже обращалась к некоторым

---

¹ Наиболее полную на данный момент библиографию по данному периоду см.: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. С. 243–274.

эпизодам его деятельности², однако в литературе до сих пор отсутствуют однозначная оценка эффективности заграничной царской агентуры и комплексное понимание того, как самодержавие оценивало угрозы со стороны польской эмиграции накануне одного из крупнейших польских восстаний против России в XIX в. В этой связи данная статья посвящена двум целям. Во-первых, проанализировать точку зрения III отделения Собственной его императорского величества канцелярии – центрального органа российской политической полиции – на активность радикально-демократического лагеря польской эмиграции накануне Январского восстания. Во-вторых, внести уточнения в некоторые эпизоды агентурной деятельности Ю. Балашевича-Потоцкого: роль в организации конфликтов внутри радикально-демократического лагеря польской эмиграции, его провокацию по срыву переговоров между частью польских эмигрантов и российских революционеров, а также осуществленную им операцию по пресечению отправки груза заграничного оружия в Царство Польское в конце 1862 г.

Не случайно, что старт заграничной деятельности Балашевича был дан именно в 1861 г. Как известно, в начале 1860-х гг. в польских владениях России возросла активность польских конспиративных организаций, начались массовые публичные манифестации против российских властей. Руководство сыска к тому моменту пришло к заключению, что активизация национального движения в польских землях была теснейшим образом связана с работой польской же эмиграции и, кроме того, вдохновлялась пробуждением итальянского и венгерского национальных движений. В ежегодном обозрении III отделения за 1861 г. указывалось: «Революционный дух перешел в Польшу из Италии и Венгрии и встретил в легкомыслии и воспламенительности поляков плодотворную почву *при несомненном подстрекательстве со стороны польской эмиграции и ее политических покровителей* (курсив мой. – И. Б.)»³. «Во влиянии эмиграции убеждают, – сообщалось в том же отчете, – печатаемые в ее журналах наставления и распространяемые между народом прокламации

---

2 Библиографию о деятельности Ю. Балашевича см.: *Борисёнок Ю. А., Бабоша И. А.* Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемповского (1867–1870 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2023. № 5. С. 35–48.

3 Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 542–543.

Мирославского»⁴. Речь в отчете однозначно шла о «красном генерале» Людвике Мерославском (1814–1878) – известном польском революционере и военачальнике, одном из ведущих лидеров радикально-демократического лагеря польской эмиграции, в феврале-марте 1863 г. – диктаторе восстания 1863–1864 гг.

Примечательно, что Балашевич, предложив свои услуги руководству III отделения в мае 1861 г., в качестве подтверждения своей компетентности раздобыл и преподнес будущему начальству воззвания именно Мерославского⁵. Сведения о существовании тесных связей между радикально-демократическим лагерем польской эмиграции и конспирацией в Царстве Польском, по всей видимости, и стали отправной точкой агентурной миссии Балашевича. Ему и его команде информаторов предстояло, во-первых, выяснить планы заграничных заговорщиков, а во-вторых – с помощью агентурных провокаций нейтрализовать их влияние в польских землях, не позволив им выступить единым фронтом в борьбе против самодержавия.

Необходимо подчеркнуть, что Балашевич не создавал конфликты на ровном месте, а лишь выискивал уже существующие противоречия между различными группировками и раздувал их до полноценного скандала. Важно отметить, что «Польское демократическое общество» (ПДО), ведущая радикально-демократическая группировка польской эмиграции, переживала раскол после прихода к власти во Франции в 1848 г. президента Луи-Наполеона (с 1852 г. – императора Наполеона III). Ответвление ПДО во главе с Мерославским выступало за сотрудничество с режимом Второй империи и пользовалось особым покровительством «красного принца» Наполеона Жозефа (Плон-Плона), двоюродного брата Наполеона III. Выступавшие против бонапартизма деятели ПДО переместили свою деятельность в Лондон. Там они сблизились с Дж. Мадзини, В. Гюго, А. И. Герценом и другими известными европейскими революционерами, организовав «Центральный комитет европейской демократии»⁶.

4 Там же. С. 543.

5 *Бабоша И. А.* Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской заграничной агентуры. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2025. С. 180. Следует подчеркнуть, что в 1862–1863 гг. Балашевич перешел в подчинение наместника Царства Польского вел. кн. Константина Николаевича, а с 1864 г. снова стал сотрудником III отделения.

6 *Żychowski M.* Generał kłęski: Ludwik Mierosławski. Warszawa, 1965. S. 416–418; *Ziółek J.* Emigracja polska po 1848 roku. Działalność polityczna // *Roczniki*

Знавший об этом Балашевич решил подлить масла в огонь конфликта обоих ответвлений ПДО. В отчете 5 ноября 1861 г. агент сообщил, что газета «Demokrata Polski» (главный печатный орган лондонской секции ПДО) опубликовала его статью, обвинявшую Мерославского «в узурпации власти» в демократическом лагере. Это, в свою очередь, вызвало протест со стороны лояльной «красному генералу» прессы⁷. Мерославский и вправду так и не примирился с лондонским ответвлением ПДО, однако часть его сторонников из Франции все же решилась пойти на соглашение с британской секцией, образовав 28 июля 1862 г. «Главный комитет польской эмиграции». Его члены были солидарны в том, что восстание нельзя откладывать на неопределенный срок и что демократические преобразования являются «вернейшей гарантией» «возрождения и будущей мощи» Польши. Тем не менее между «радикальным» (лондонской секцией) и «умеренным» (бывшими сторонниками Мерославского во Франции) крыльями этого комитета сохранялись разногласия. «Радикалы» считали, что перед восстанием крестьянам Царства Польского необходимо дать гарантии, что они получают землю в собственность. Они также призывали эмиграцию подчиниться повстанческим органам власти на территории польских земель – Центральному национальному комитету в Варшаве (ЦНК), образованному лагерем «красных» в июне 1862 г., и, кроме того, сотрудничать с российскими революционерами и предоставить право на самоопределение национальным меньшинствам в возрожденной Речи Посполитой. «Умеренные», наоборот, полагали, что надо сначала обеспечить национальное единство польского общества и только потом приступать к преобразованиям. Они подчеркивали, что именно эмиграция должна координировать действия повстанцев на польских землях, а также более скептически относились к союзу с российскими революционерами А. И. Герценом и М. А. Бакуниным и обеспечению прав меньшинств, выступая за Польшу «в границах 1772 г.»⁸.

Л. Мерославский, несмотря на конфликт и с «умеренными», все равно сохранял сторонников как среди эмиграции, так и внутри упомянутого выше варшавского ЦНК⁹. Его запас прочности был весь-

---

humanistyczne. Lublin, 1996. Т. XLIV. Z. 2. S. 187–193; *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 141–145.

⁷ *Potocki A.* Raporty szpiega. Т. 1 / wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerber. Warszawa, 1973. S. 141–142.

⁸ *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 211–216. См. также: *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 268–269.

⁹ *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 268.

ма велик, несмотря на, казалось бы, непрекращающуюся череду его собственных неудач и старания «Потоцкого». III отделение из донесения Балашевича от 12 марта 1862 г. знало, что противники Мерославского сумели сместить его с поста руководителя военной школы в Генуе¹⁰ и вынудить отчитаться о потраченных им средствах. Однако ему удалось сохранить часть денежной суммы за собой. Как сообщалось в ежегодном отчете III отделения, «тем не менее Мерославский не унывал, продолжая действовать на молодое поколение издаваемых им под его руководством демократическими журналами...»¹¹.

Неудивительно, что в отчете III отделения за 1862 г. одним из центральных вопросов было соотношение между Главным комитетом польской эмиграции (в тексте он назван «Центральным народным комитетом в Париже») и варшавским ЦНК: «Между тем, учрежденный в Париже “Центральный народный комитет польской эмиграции” постепенно более подчинялся влиянию революционной власти, управляющей внутренним польским движением и издающей свои приказания от имени “Центрального народного комитета в Варшаве”»¹². В III отделении обратили внимание и на разногласия между двумя «центральными народными комитетами». Варшавская организация стремилась вступить в союз с «русской революционной пропагандой», разделяя мнение последней насчет предоставления Литве, Белоруссии и Малороссии «выбора между присоединением к Польше или России». В свою очередь, Мерославский на страницах польских и французских журналов протестовал против «родившегося предположения насчет тождества обоих центральных комитетов» и назвал «изменою мысль об уступке хотя одной из областей, принадлежавших к Польскому королевству»¹³, выступая за восстановление границ 1772 г.

Таким образом, на рубеже 1861–1862 гг. III отделение узнало, что польские заговорщики пытались договориться не только между собой, но и с зарождающимся российским революционным движением. В связи с этим у Балашевича появилась новая задача – поссорить польских и русских радикалов. В этом самодержавию помог

---

10 Военная школа, созданная с разрешения итальянского правительства для подготовки будущих польских повстанцев. Итальянским властям в итоге пришлось ее закрыть 24 июня 1862 г. под давлением России и Пруссии в качестве платы за признание этими великими державами объединенной Италии. См.: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 241.

11 *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 1. S. 176; Россия под надзором. С. 571–572.

12 Россия под надзором. С. 574.

13 Там же. С. 575.

тактический союз с режимом Второй империи, который враждовал с лондонской секцией ПДО и в связи с этим был готов сотрудничать с Россией в борьбе конкретно с этой группировкой эмиграции, поддерживавшей тесные связи с российскими революционерами и варшавским ЦНК. С конца октября 1862 г. Балашевич благодаря содействию префекта парижской полиции С. Буателя стал перехватывать корреспонденцию между варшавским ЦНК и Герценом с Бакуниным¹⁴. В донесении от 24 октября «Потоцкий» рапортовал, что агент ЦНК Юзеф Цверцякевич сообщил в письме Герцену о том, что восстание в Царстве Польском непременно начнется в январе¹⁵. Так и произошло в действительности – повстанческое выступление, положившее начало восстанию 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Западном крае, разразилось в ночь с 22 на 23 января 1863 г.

Осенью 1862 г. Ю. Балашевич серьезно оценивал риски объединения эмигрантских группировок и их возможного соглашения с русскими революционерами. В обозрении событий от 15 сентября до 20 ноября 1862 г., подготовленном специально для Александра II, он указал, что все эмигранты выражали стремление слиться в единый организм и открыто выступить против России и что, более того, Бакунин и Герцен якобы заключили союз с Мерославским. Балашевич вновь подчеркнул, что с целью нейтрализации их объединительных планов он настраивал одну партию против другой. Так, например, с помощью агента, входящего в состав варшавского ЦНК, он разместил в «Колоколе» Герцена статью, содержащую призыв позволить жителям Литвы и Малороссии самим решать вопрос о своем присоединении к Польше или России. Мерославский, будучи сторонником единой и неделимой Польши, из-за этого обиделся, и, разорвав все связи с Герценом и Бакуниным, обещал отомстить. Для подкрепления успеха Балашевич послал Мерославскому копию нелюбезного по отношению к «красному генералу» письма Бакунина, а Бакунину – его не менее нелюбезную характеристику со стороны Мерославского¹⁶.

В своих дальнейших донесениях Ю. Балашевич-Потоцкий неоднократно рапортовал, что все последующее расколы в демократическом лагере являлись делом его рук. 25 ноября 1862 г. он доложил, что убедил

14 Подробнее о русско-французском сближении в 1856–1862 гг. в контексте польского фактора и сотрудничества полицейских органов обоих государств см.: *Бабоша И. А.* Польская эмиграция... С. 192, 205–206, 209–211.

15 *Potocki A.* Raporty szpiega. Т. 1. S. 206.

16 *Ibid.* S. 241–242. В этом обзоре не приведено конкретных дат данных провокаций. В предыдущих донесениях о них не говорилось.

Северина Эльжановского («умеренного» демократа) разместить в газете «Przegląd Rzeczy Polskich» «язвительную» статью против «Герцена, Бакунина и компании»¹⁷. Под «компанией» явно подразумевался варшавский ЦНК и его союзники из лондонской секции ПДО.

Результат подрывных операций не заставил себя долго ждать. В донесении 3 декабря Балашевич докладывал о потасовке между деятелем британской ячейки ПДО Людвиком Булевским (1824–1883) и сторонниками Мерославского на торжестве в честь годовщины Ноябрьского восстания в Лондоне, организованном агентом «Отеля Лямбер» (консервативного лагеря эмиграции) Наполеоном Жабой¹⁸. Резюме этого сообщения попало в отчет III отделения за 1862 г.: «Празднество кончилось спором и дракою по поводу вышеупомянутого выходца Булевского, члена “Варшавского центрального народного комитета”, который требовал, увлекаясь при этом произнесением угроз, чтобы вся польская эмиграция в Англии и во Франции подчинилась исключительно варшавскому комитету»¹⁹.

Крупным достижением «Потоцкого» стала провокация, приведшая к аресту парижской полицией трех влиятельных членов варшавского ЦНК, занимавшихся закупкой оружия для будущего восстания, – Юзефа Цверцякевича, Чапиньского и Францишека Годлевского. Балашевич свел с этими поляками итальянского революционера Джузеппе Мадзини, которого местная полиция подозревала в подготовке покушения на Наполеона III. Контакты с итальянским революционером и стали поводом для их ареста²⁰. Любопытно отметить, что под фамилией «Чапиньского» в действительности – о чем на тот момент не знал Балашевич – скрывался не кто иной, как Игнаций Хмельнский (1837–1871), сбежавший за границу сообщник Людвика Ярошиньского, покушавшегося на жизнь великого князя Константина Николаевича в июне 1862 г. О том, что «Чапиньский» на самом деле был Хмельнским, Балашевич узнал от своего агента вечером 6 января 1863 г. – в тот же день он отправил послание с этими данными²¹.

Тем временем оказалось, что за троих задержанных вступился «красный принц» Наполеон Жозеф, «из-за своего слабого характера

---

17 Ibid. S. 250.

18 Ibid. S. 260–261.

19 Россия под надзором. С. 576.

20 *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 269–270.

21 Ibid. S. 279.

дающий себя использовать как орудие польской эмиграции». Согласно донесению Балашевича от 8 января, агентов варшавского ЦНК благодаря заступничеству кузена Наполеона III велено было освободить, но с условием покинуть пределы Франции в течение 24 часов²². Балашевичу, однако, удалось на некоторое время продлить арест Хмельнского – агент донес в префектуру полиции, что тот был соучастником покушения на Константина Николаевича²³. В секретной депеше русского посла во Франции Андрея Федоровича Будберга от 30 декабря (11 января) содержалась похожая информация, но о роли Балашевича там ничего не сказано – вероятно, для сохранения конспирации. Виновником освобождения эмиссаров указан не принц Наполеон, а некие «высокопоставленные адвокаты». Кроме того, «Чапиньского» задержали на больший, чем Цверцякевича и Годлевского, срок не по наводке тайного агента, а под предлогом «установления личности», и назвал тот свою настоящую фамилию (Хмельнский) уже после короткого допроса в префектуре полиции²⁴.

Российский историк-франковед П. П. Черкасов в Архиве внешней политики Российской политики (АВПРИ) работал с оригиналом упомянутой выше депеши Будберга, направленной главе российского МИД А. М. Горчакову²⁵. Исследователь привел и более ранние депеши от 6 и 24 декабря, сообщавшие, что адрес проживания эмиссаров ЦНК указал агент русского посольства, некий Леруа, и что именно Будберг потребовал у префекта парижской полиции арестовать заговорщиков²⁶. Таким образом, вероятно, что «граф Потоцкий» подготовил почву для провокации, а Леруа указал точные координаты Цверцякевича, Годлевского и «Чапиньского» (Хмельнского). Оба агента, возможно, и не знали о существовании друг друга. Балашевич ничего не писал о местонахождении этих конспираторов и не упоминал о том, чтобы кто-либо выдавал их адрес. В любом случае, поляки весьма болезненно воспринимали последствия агентурной операции самозваного графа и русского посольства. Известный журналист и мемуарист Владислав Мицкевич (сын поэта Адама Мицкевича),

22 Ibid. S. 280.

23 Ibid. S. 281.

24 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. Оп. 2а. Д. 395. Л. 1–4.

25 В процитированном нами выше архивном деле ГА РФ приведена копия этого донесения, предназначавшаяся для III отделения.

26 Черкасов П. П. Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112.

ссылаясь на сведения Зыгмунта Сераковского²⁷, полагал, что часть найденных у арестованных эмиссаров бумаг французская полиция могла передать Будбергу, благодаря которым Россия «получила сведения о путях, по которым оружие, купленное за границей, должно было добираться до Польши». По мнению Мицкевича, из-за этого в самом начале Январского восстания польские повстанцы вынуждены были вступать в бой «с обыкновенными охотничьими ружьями» (а не с полноценными боевыми винтовками, закупкой которых занимались эмиссары. – *И. Б.*)²⁸.

Деятельность Ю. Балашевича по перехвату переписки А. И. Герцена и М. А. Бакунина с польскими эмигрантами нашла отражение в отчете III отделения 1862 г. Среди корреспондентов русских революционеров обнаружили, с одной стороны, члены «Варшавского центрального народного комитета» – Цверцякевич (упомянут выше среди арестованных французской полицией), Анборский, Сохновский, Новицкий, а с другой стороны, их противник Мерославский, названный в отчете главой «польской партии движения». Особое внимание было уделено отношениям последнего с Бакуниным. Подчеркивалось, что, несмотря на разногласия, они не исключали возможности договориться между собой: «Из перехваченного же письма Мирославского к Бакунину видно было, что, хотя они разошлись во мнениях насчет пределов будущего Королевства Польского (очевидно, что Мерославский выступал за Польшу в границах 1772 г., а Бакунин настаивал на необходимости самоопределения белорусских и украинских земель. – *И. Б.*), но что они сохраняли еще свои связи, стремясь вместе прежде всего к революции». Как варшавский ЦНК, так и «красный генерал» не оставляли попыток перетянуть русского революционера на свою сторону: «Мирославский старался уверить Бакунина, что “Варшавского центрального комитета” вовсе не существует, что это лишь обман, но что главная революционная сила заключается в партии его, Мирославского». Однако русский революционер явно

---

27 З. Сераковский (1827–1863) – член конспиративной организации «Кружок польских офицеров в Санкт-Петербурге» и будущий участник Январского восстания. На момент разговора с Мицкевичем в декабре 1862 г. являлся капитаном русского Генерального штаба, по заданию правительства пребывавшим в заграничной командировке.

28 *Mickiewicz W. Pamiętniki*. Т. 2: 1862–1870. Warszawa, 1927. S. 250. Согласно В. Мицкевичу, эти сведения Сераковскому якобы сообщил лично Будберг. В тексте мемуаров не уточняется, откуда Мицкевич получил данную информацию – от самого Сераковского или из других источников.

сделал выбор в пользу варшавской организации, поскольку «в конце года письма Бакунина обнаружили уже явный его с Мирославским разрыв, который произошел *отчасти под влиянием одного ловкого анонимного подстрекательства* (курсив мой. – И. Б.)»²⁹.

Этим «подстрекательством» являлась известная провокация «Потоцкого» против Бакунина в конце декабря 1862 г. Ю. Балашевич под псевдонимом «Абракадабра» вступил в переписку с русским революционером, выдавая себя за польского повстанца-доброжелателя, который в целях конспирации не мог выдавать своего имени. «Абракадабра» предупредил Бакунина об интригах Мерославского, и в своем ответном письме 18 декабря 1862 г. Михаил Александрович поблагодарил анонима за «полезные предостережения»³⁰. Польский историк Ян Кухажевский посчитал ответ революционера наивным: «Кажется удивительным, что Бакунин не прервал переписки после этого письма анонима, неумело написанного, местами нелепого. Немногое нужно было, чтобы обмануть его»³¹. Однако на тот момент предостережение «Абракадабры» не представляло собой откровения для будущего классика анархической мысли. В том же письме 18 декабря он отметил: «Еще прежде, чем получил Ваше письмо, я решился отвечать на его (Мерославского. – И. Б.) клевету, прочитав же ваше письмо, еще более убедился в необходимости этого шага» (отрывок с этой фразой Кухажевский разместил у себя же в монографии!)³². Конкретно в этом случае о наивности Бакунина говорить не приходится – он уже и так был настроен против «красного генерала». В следующем послании «Абракадабра» пошел еще дальше и обвинил Мерославского в доносе на трех указанных выше членов варшавского ЦНК, которых парижская полиция благодаря провокации «Потоцкого» и по наводке российского агента Леруа арестовала по подозрению в связях с Мадзини. Однако Бакунин, отметив свою неприязнь к «красному генералу», усомнился, что Мерославский мог пойти на такую низость, и попросил «Абракадабру» привести весомые доказательства его измены³³.

Итак, к концу декабря 1862 г. отношения Бакунина и Мерославского уже были крайне напряженными, поэтому и в III отделении

29 Россия под надзором. С. 587.

30 *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 85–86.

31 *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018. С. 293.

32 Цит. по: *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 292; *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 86.

33 *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 89–90.

вполне справедливо подытожили, что «анонимное подстрекательство» Балашевича повлияло на разрыв двух революционеров лишь «отчасти». Советский и российский историк революционного движения Н. М. Пирумова полагала, что «разрыв с Мерославским был вполне естествен» и без влияния царских провокаторов, поскольку «националистическая программа польского генерала делала невозможным союз между ним и Бакуниным»³⁴. С. М. Фалькович, во многом придерживавшаяся традиций советской историографии, в монографии 2017 г. высказала схожую оценку, заключив, что «борьба русских революционных эмигрантов» с Мерославским «носила глубоко принципиальный характер как борьба подлинной революционности против революционной демагогии и авантюризма, подлинного интернационализма революционеров-демократов против шляхетского сословного национализма»³⁵. Современный польский бакуниновед Антоний А. Каминьский во втором томе своей биографии «великого бунтаря» (2013 г.) и вовсе обошел проблему участия тайной полиции в этом конфликте. Проанализировав полемику между революционерами, исследователь пришел к схожим с Н. М. Пирумовой и С. М. Фалькович выводам. По его мнению, причинами ссоры являлись непримиримая националистическая позиция Мерославского, а также то, что были задеты политические амбиции «красного генерала», которого варшавский ЦНК решил не включать в переговоры с русскими революционерами³⁶.

Бакунину действительно не нравилась бескомпромиссная приверженность повстанческого предводителя идее Польши «в границах 1772 г.», однако он долго не оставлял попыток договориться с «красным генералом». Известно, что переговоры между революционерами начались с момента их знакомства в августе 1862 г. и продолжались как минимум до октября того же года. В письме от 1 октября 1862 г. Бакунин в весьма дипломатичном тоне просил Мерославского переговорить с русскими революционерами, в то же время вежливо настаивая, что они не могли пойти на разрыв отношений с варшавским ЦНК, которым руководили соперники генерала³⁷. В связи с этим не случайно, что в приведенном выше фрагменте из отчета III отделения указывалось,

34 *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. М., 1970. С. 194.

35 *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 274.

36 *Kamiński A.* Michał Bakunin. Życie i myśl. T. 2. Podpalacz Europy. Wrocław, 2013. S. 260–267.

37 *Żychowski M.* Generał klęski. S. 533–534.

что Мерославский и Бакунин, невзирая на разногласия, «сохраняли еще свои связи, стремясь вместе, прежде всего к революции».

Бакунин неоднократно выказывал готовность идти на компромисс и заключать тактические союзы даже с принципиальными идеологическими оппонентами ради достижения общей цели – борьбы с самодержавием. Накануне Январского восстания он и Герцен активно сотрудничали с консервативным «Отеlem Лямбер», несмотря на всю разницу взглядов между ними³⁸. Важно подчеркнуть, что «великий бунтарь» был лично знаком с князем Адамом Чарторыйским еще с 1845 г.³⁹ А уже после начала восстания, весной 1863 г., он присоединился к неудачной экспедиции польских эмигрантов, отправлявшихся на британском пароходе «Ward Jackson» с грузом оружия на помощь повстанцам на территории Литвы. Русскому революционеру не помешало, что в качестве военного руководителя похода был выбран полковник Теофиль Лапильский (1827–1886), которого сам же Бакунин охарактеризовал как «патриота в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским»⁴⁰.

Примечательно, что склонность Бакунина к компромиссам позднее отмечал даже сам Мерославский, который обычно высказывался крайне нелицеприятно о большинстве своих оппонентов. В своих мемуарах он указал, что изначально «великий бунтарь» пообещал после начала восстания обратиться с манифестом к русским войскам с призывом отступить к Смоленску и Днепру (т. е. косвенно подтвердить восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.). Надежды польского радикала на соглашение с русским революционером перечеркнула лишь вышедшая позднее в том же 1862 г. знаменитая бакунинская брошюра «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?», в которой признавалось право народов бывшей Речи Посполитой на самоопределение. В этой брошюре, по мнению Мерославского, Бакунин отрекся от якобы данного ранее обещания признать границы 1772 г. Тем не менее «красный генерал» подчеркнул, что «при более основательном общении с нашим трезвым патриотизмом» Бакунин мог бы согласиться с его позицией⁴¹.

---

38 Об этом сотрудничестве в 1861–1862 гг. см. подробнее: *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny.* 1957. № 2. S. 234–269.

39 *Борисёнок Ю. А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001. С. 156.

40 *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. С. 206.

41 *Mierosławski L.* Pamiętnik Mierosławskiego (1861–1863). Warszawa, 1924. S. 70–71.

Не стоит забывать и о том, что провокации Балашевича против Бакунина не сводились только к «ловкому анонимному подстрекательству» в последних числах декабря 1862 г. и начались еще осенью того же года. Выше уже приводился обзор агента за период от 15 сентября до 20 ноября, из которого следовало, что Балашевич пересылал письма с нелюбезными характеристиками Бакунина Мерославским и Мерославского Бакуниным и тому, и другому (в какие именно дни это произошло, агент не указал). Отсюда вытекает, что ни «великий бунтарь», ни «красный генерал» в тот период не собирались окончательно «сжигать мосты» и осмеливались откровенно высказываться друг о друге только в переписке с третьими лицами. В более раннем и точно датированном донесении Балашевича за 25 октября 1862 г. текущий статус отношений двух революционеров описан краткой и категоричной ремаркой: «При посредничестве [Руфина]⁴² Пиотровского⁴³ мы окончательно поссорили Мерославского с Бакуниным, которые прервали переписку»⁴⁴.

Исходя из указанных выше отчетов, а также процитированного выше доброжелательного по тону послания Бакунина Мерославскому от 1 октября того же года можно предположить, что провокация Балашевича и вызванные ею ссора и прекращение переписки могли иметь место не ранее первой половины – середины октября и не позднее ноября. Таким образом, когда Бакунин переписывался с «Абракадаброй» в конце декабря, его «знание» об «интригах» Мерославского изначально могло быть навеяно уже настоящими интригами царского агента. Поэтому целью писем Балашевича под личиной «Абракадабры», вероятно, являлось не провоцирование конфликта (ибо он уже существовал), а стремление окончательно убедить русского революционера отказаться от каких-либо попыток примирения с Мерославским.

Очевидно, что Балашевич явно преувеличивал степень своего влияния и что серьезные противоречия между Бакуниным и Мерославским возникли не на пустом месте. Долговременный союз между

42 Дополнение составителя польской публикации отчетов Р. Гербера.

43 Руфин Пиотровский (1806–1872) – польский эмигрант, участник Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Подробнее о нем см.: *Śliwowska W. Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 1997. S. 11–31.* В донесениях Балашевича есть лишь отдельные упоминания о Пиотровском, поэтому неизвестно, какие отношения их связывали. По-видимому, Пиотровский состоял в переписке с Мерославским и Бакуниным, поэтому и стал невольным «посредником» провокации «Потоцкого».

44 *Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 211.*

ними и вправду был маловероятен. Однако возможности заключения временного и тактического альянса хотя бы на время восстания исключать не следует, учитывая указанную выше способность Бакунина договариваться с совершенно разными политическими силами. Провокация «Потоцкого» вывела коммуникацию революционеров за рамки конструктивного диалога и свела ее к потоку взаимных оскорблений.

Хорошо известно, что российская революционная организация «Земля и воля», от имени которой выступали Герцен с Бакуниным, не обладала реальными силами, чтобы помочь польскому восстанию⁴⁵. Тем не менее оба революционера обладали широким кругом контактов в среде польской эмиграции. Поэтому провокации против них, как следует из всего вышесказанного, затрагивали и эмиграционных предводителей, усиливая и так обычно негативный эмоциональный фон в среде деятелей польского национального движения.

Подводя итоги, отметим, во-первых, что накануне Январского восстания III отделение было неплохо осведомлено о соотношении сил между радикально-демократическими группировками польской эмиграции и их немногочисленными российскими союзниками. Агентура тайной полиции в лице Ю. Балашевича-Потоцкого сумела отчасти воспрепятствовать координации усилий между различными противниками самодержавия и четко знала, что в период надвигающегося восстания они не смогут выступить единым фронтом.

Во-вторых, по всей видимости, в аресте трех влиятельных эмиссаров варшавского ЦНК конце декабря 1862 г., которые занимались закупкой винтовок для будущего восстания, были замешаны и Балашевич, и собственная агентура российского посольства во Франции. Это демонстрирует, что в данный период заграничные операции российского политического сыска могли являться результатом скоординированной работы разных ведомств (в данном случае российского МИД и тайной полиции Царства Польского, на службе которой Балашевич состоял в 1862–1863 гг.). Сама же провокация показывает, что ставка российского правительства на активизацию деятельности зарубежной агентуры накануне Январского восстания 1863–1864 гг. оказалась весьма оправданной, так как именно она позволила нанести серьезный удар по каналу поставок оружия в земли бывшей Речи Посполитой.

---

⁴⁵ Подробнее о контактах «Земли и воли» с польским национальным движением см.: *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. S. 333–338.*

Наконец, конфликт крупного деятеля радикально-демократического лагеря польской эмиграции Л. Мерославского и русского революционера М. А. Бакунина мог быть вызван не только единичной провокацией в декабре 1862 г. (по мнению Я. Кухажевского) или несовпадением их политических программ (согласно точкам зрения Н. М. Пирумовой, С. М. Фалькович и А. Каминьского). Вполне вероятно, что эта ссора являлась в том числе и следствием целого комплекса долговременных психологических операций Балашевича, стремившегося усилить и так характерную для среды политических эмигрантов и революционеров атмосферу подозрения и недоверия.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Бабоша И. А. Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской заграничной агентуры. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2025. 311 с.

Борисёнок Ю. А., Бабоша И. А. Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемпковского (1867–1870 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2023. № 5. С. 35–48. DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-35-48.

Борисёнок Ю. А. Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М.: РОССПЭН, 2001. 304 с.

Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М.: Издатель Степаненко, 2018. 408 с.

Пирумова Н. М. Михаил Бакунин. М.: Молодая гвардия, 1970. 400 с.

Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Российский Архив, 2006. 706 с.

Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.

Черкасов П. П. Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112.

Kamiński A. Michał Bakunin. Życie i myśl. Т. 2. Podpalacz Europy. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013. 542 s.

Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972. 801 s.

Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2: 1862–1870. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1927. 441 s.

Mierosławski L. Pamiętnik Mierosławskiego (1861–1863). Warszawa: Instytut Wydawniczy “Biblioteka Polska”, 1924. 215 s.

Potocki A. (Julian Aleksander Bałaszewicz). Raporty szpiega. T. 1 / wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerber. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. 422 s.

Śliwowska W. Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 1997. T. 1. S. 11–31.

Wereszycki H. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1957. № 2. S. 234–269.

Ziółek J. Emigracja polska po 1848 roku. Działalność polityczna // Roczniki humanistyczne. Lublin, 1996. T. XLIV. Z. 2. S. 175–197.

Żychowski M. Generał kłęski: Ludwik Mierosławski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. 706 s.

References

Babosha, I. A. *Pol'skaia emigratsiia 1830–1870-kh gg. v doneseniakh rossiiskoi zagranichnoi agentury. Dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Moscow, 2025, 311 p.

Borisyonok, Yu. A. *Mikhail Bakunin i «pol'skaia intriga»: 1840-e gody*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 304 p.

Borisyonok, Yu. A., Babosha, I. A. “Deiatel'nost' pol'skoi emigrantskoi organizatsii «Respublikanskii Pol'skii Tsent» v doneseniakh rossiiskikh zagranichnykh agentov Iu. Balashevicha i A. Stempkovskogo (1867–1870 gg.)” *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istoriiia*, 2023, No 5, pp. 35–48. DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-35-48

Cherkasov, P. P. “Rossiisko-frantsuzskie otnosheniia i pol'skoe vosstanie 1863 gg.” *Novaia i noveishaia istoriia*, 2015, No 1, pp. 94–112.

Cherkasov, P. P. “Tretii chelovek v III otdelenii. Adam Sagtynskii – pervyi shef rossiiskoi vneshnei razvedki.” *Rodina*, 2007, No 9, pp. 56–62.

Fal'kovich, S. M. *Pol'skaia politicheskaia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30–60-kh godov XIX veka*. Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 320 p.

Kamiński, A. *Michail Bakunin. Życie i myśl*, vol. 2: Podpalacz Europy. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013, 542 p.

Kieniewicz, S. *Powstanie styczniowe*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, 801 p.

- Kukhazhevskii, Ia. *Ot belogo do krasnogo tsarizma. Vol. 3. Gody pereloma. Romanov, Pugachev ili Pestel', part 2, section III*. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2018, 500 p.
- Mickiewicz, W. *Pamiętniki*, vol. 2: 1862–1870. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1927, 441 p.
- Mierosławski, L. *Pamiętnik Mierosławskiego (1861–1863)*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska“, 1924, 215 p.
- Pirumova, N. M. *Mikhail Bakunin*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1970. 400 p.
- Potocki, A. (Julian Aleksander Bałaszewicz). *Raporty szpiega*, vol. 1 / ed. by R. Gerber. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973, 422 p.
- Rossiiia pod nadzorem. Otchety III otdeleniia 1827–1869*. Sbornik dokumentov, ed. by M. V. Sidorova and E. I. Shcherbakova. Moscow: Ros. fond kul'tury: Rossiiskii Arkhiv, 2006, 706 p.
- Śliwowska, W. “Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych.” *Wrocławskie Studia Wschodnie*. Wrocław, 1997, vol. 1, pp. 11–31.
- Wereszycki, H. “Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego.” *Przegląd Historyczny*, 1957, No 2, pp. 234–269.
- Ziółek, J. “Emigracja polska po 1848 roku. Działalność polityczna.” *Roczniki humanistyczne*. Lublin, 1996, vol. XLIV, z. 2, pp. 175–197.
- Żychowski, M. *General kłęski: Ludwik Mierosławski*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965, 706 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.02

I. A. Babosha

The Radical Democratic Camp of the Polish Emigration on the Eve of the January Uprising of 1863–1864 (Based on the Reports of the Russian Secret Agent J. Bałaszewicz-Potocki)

Ivan. A. Babosha

Candidate of History, research fellow

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2502-3906

Citation

Babosha I. A. The Radical Democratic Camp of the Polish Emigration on the Eve of the January Uprising of 1863–1864 (Based on the Reports of the Russian Secret Agent J. Bałaszewicz-Potocki) // Slavica Almanac. 2026. No 1–2. P. 49–67 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.02

Received: 04.11.2025.

Revised: 06.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines the activities of the Russian intelligence network within the radical democratic camp of Polish émigrés. These circles worked closely with the “Red” faction of insurgents who were preparing an armed uprising in the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth then under the rule of the Russian Empire. A primary focus of this study is the elucidation of specific intelligence operations executed under the auspices of Julian Bałaszewicz-Potocki, a prominent agent of the Russian political police in the 1860s and 1870s. Bałaszewicz-Potocki’s primary objective was to incite discord among various factions of Polish radicals and their Russian allies. It is argued that the well-known conflict between Ludwik Mierosławski, a leader of the Polish radical democratic emigration, and the Russian revolutionary Mikhail Bakunin may have resulted not only from a single deception or political disagreement but from a complex series of long-term psychological operations conducted by Bałaszewicz-Potocki. The study further suggests that the arrest of “Red” faction emissaries by the French police in December 1862—while they were procuring weapons for the forthcoming rebellion—may have been a collaborative effort between Bałaszewicz-Potocki and Russian embassy agents in Paris. It is concluded that during this period, the Russian political police possessed a comprehensive understanding of the power dynamics within the radical democratic camp of the Polish emigration. Utilizing this intelligence, the Russian authorities were able to partially disrupt cooperation between the opponents of Russian autocracy on the eve of the January Uprising.

Keywords

Polish emigration, January Uprising of 1863–1864, The Third Section, political police, J. Bałaszewicz-Potocki, L. Mierosławski, M. Bakunin.